

Слободнюк Сергей Леонович

доктор философских наук,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры литературы и русского языка
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина,
заслуженный деятель науки РФ

Кива-Хамзина Юлия Леонидовна

кандидат философских наук,
доцент кафедры права и культурологии
Магнитогорского государственного
технического университета имени Г.И. Носова

ВОЗДАЯНИЕ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО: АРХЕТИПИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация:

В статье исследованы особенности проявлений архетипов «воздаяние» и «справедливость» в правовой реальности и гражданском праве. По мнению авторов, идея «воздаяние во имя справедливости» имеет архетипическую природу и онтологически связана с проблемой необходимости, что находит непосредственное отражение в структурах современного гражданско-правового поля.

Ключевые слова:

архетип, воздаяние, гражданское право, необходимость, правовая реальность, свобода, справедливость.

Slobodnyuk Sergey Leonovich

D.Phil. in Philosophy,
D.Phil. in Philology, Professor,
Literature and Russian Language Department,
Pushkin Leningrad State University,
Honored Scientist of the Russian Federation

Kiva-Khamzina Yuliya Leonidovna

PhD in Philosophy, Assistant Professor,
Law and Cultural Studies Department,
Magnitogorsk State Technical University

RETRIBUTION, JUSTICE AND CIVIL LAW: ARCHETYPIC ASPECT

Summary:

The article considers how the archetypes "retribution" and "justice" manifest themselves in legal reality and civil law. According to the authors, the idea of "retribution for the sake of justice" has archetypic nature, and it is ontologically connected with the problem of necessity, which finds a direct reflection in the structures of the modern civil legal field.

Keywords:

archetype, retribution, civil law, necessity, legal reality, freedom, justice.

Идея воздаяния, наравне с идеей справедливости, по праву может считаться одной из самых древних в истории человеческой мысли, претендуя, таким образом, на роль архетипа правовой реальности. В то же время осмысление историко-философского и религиозно-философского дискурса показывает, что на некоторых этапах своего становления воздаяние, в отличие от справедливости, не имело определенного бытийного статуса, хотя изначально выступало в неразрывной связи с божеством. Иначе говоря, воздаяние трактовалось как нечто, возникшее в процессе *отношений* человека с верховным существом, а не как внутренне присущее этим отношениям. Однако критический анализ источников приводит к мысли, что такая трактовка парадоксальным образом отражает именно осознание *бытийного* характера воздаяния в тех областях реальности, где наличествует фигура Абсолюта, формируя архетипическую основу в противостоянии юридического персонализма и трансперсонализма.

Так, в размышлениях Б. Паскаля о «жалком состоянии человека» встречается достаточно показательный для нашего случая момент: «Найдя причину всех наших несчастий, я захотел открыть, в чем коренится она... Оказалось, что начало ее заключается в естественном злополучии нашей слабой и смертной природы. Это состояние настолько жалкое, что решительно нет средств утешить себя, коль скоро о том подумаешь» [1, с. 39–40]. Как видим, согласно Паскалю: 1) злополучие человеческой природы имеет естественное происхождение; следовательно, 2) несчастья человека имеют тот же самый источник. Соотнесение этих данных с полным контекстом «Мыслей о религии» и христианской доктриной дают довольно любопытный результат. Как известно, смертность и прочие малоприятные приобретения (см. Быт. 3:16–19) стали достоянием человеческой природы исключительно после *нарушения известного запрета* – «Только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть» (Быт. 3:3), – и по существу являются прямым следствием божественного воздаяния. Таким образом, «образ и подобие» утрачивает часть атрибутов, приближающих его к творцу, по произволению самого творца, который карает собственное создание за его грех.

Больше того, согласно святоотеческой традиции, одновременно происходит кардинальное изменение *сущности* человеческого существа, поскольку «*земля, проклятая в делах Адама*, есть плоть Адама, вследствие дел его, то есть страстей оземлянившегося ума, всегда подвергаемая проклятию в виде бесплодия добродетелей... Эту плоть и вкушает со многим страданием и печалью Адам, наслаждаясь лишь малым от нее удовольствием» [2, с. 40]. При этом указанное проклятие вряд ли можно признать адекватным совершенному проступку. Тем более что его совершил не сам первый человек, а его супруга. Но все же именно на Адама как на образ и подобие божие обрушивается воздаяние, одно из проявлений которого не просто изменение человеческой сущности, а долгое мучение: «Эта плоть и взращивает для него заботы и попечения, подобно “терниям”, и великие искушения и опасности, подобно “волчцам”, болезненно жалившим его со всех сторон, ...так что едва может добыть и вкусить, то есть получить, здоровье и благосостояние плоти, ...а затем, после многого круговращения ужасных [страданий], в поте лица, то есть в тяжелом труде бесполезного рассмотрения чувственного бытия в чувственном [опыте], иметь... основание для устройства здешней жизни» [3, с. 40].

Разрешение указанного противоречия требует дифференциации смыслов. Так, с точки зрения права гневные слова Яхве представляют собой развернутую декларацию идеи о том, что *нет преступления без наказания*; при этом практически в каждом пункте божественного приговора присутствует *талионический компонент*. Затем непреложность принципа *nullum crimen sine poena* будет закреплена судьбой Каина и найдет развитие во всей ветхозаветной истории, а постулаты *нет наказания без закона* и *нет преступления без законного наказания* будут достаточно четко прописаны в законодательстве Моисеевом (см., напр., Лев. 20:1–27). Причем теперь в основе наказания легко обнаруживается уже не талионический *компонент*, но *принцип* талиона: «Кто ляжет с теткою своею, тот открыл наготу дяди своего; грех свой понесут они, бездетными умрут» (Лев. 20:20). Таким образом, одной из основных функций талиона изначально являлось обеспечение гармонии в отношениях, которые складывались между абсолютными основаниями правовой реальности, творимой усилиями божества, и их проявлениями (как необходимыми, так и случайными).

В то же время в богословском дискурсе приговор божества предстает в несколько ином свете. Прежде всего обращает на себя внимание то, что в ряде случаев этот вердикт не имеет необратимого и окончательного характера. Более того, в трактовке Максима Исповедника проклятие Яхве чудесным образом превращается в собственную противоположность, утрачивая свою карательную направленность: «“Земля” есть сердце Адама, принявшее за преступление [заповеди] “проклятие” – лишение небесных благ. Эту землю во многих скорбях по деятельному любомудрию вкушает [человек], очищая ее от “проклятия” совести – постыдных дел. <...> Итак, вкушаемая “земля” в хорошем смысле есть очищение сердца через [духовное] делание, “трава” же – знание тварных [существ, достигаемое] в естественном созерцании, а “хлеб” – истинное тайноводство по богословию» [4, с. 40–41].

В словах Максима Исповедника несложно увидеть алгоритм редуцирования онтологических аспектов вопроса о воздаянии, который позднее стал достаточно частотным для богословия и философско-религиозных рассуждений. В первую очередь следует обратить внимание на то обстоятельство, что Максим Исповедник, если говорить современным языком, производит подмену онтологического (естественного) дискурса дискурсом онтическим (положительным). Таким образом, возникает удвоение в понимании воздаяния. С одной стороны, оно продолжает выступать как кара, с другой стороны – предстает чуть ли не божественным даром провинившемуся творению. Подмена прямого значения значением смежным соединяется здесь с одновременной подменой аллегорического толкования толкованием символическим, в контексте которого отождествление проклятой «земли» с сердцем Адама утрачивает значение художественного приема и становится основой для утверждения мнимости земного мира, существующего *только в ветхом Адаме и для Адама*. В итоге и суть наказания начинает восприниматься иначе, что приводит к интерпретации воздаяния как *необходимого этапа в процессе мистического богопознания*.

Но в рамках подобного рассмотрения мы неминуемо сталкиваемся с хорошо известной системой вопросов, которые активно использовались и скептически настроенными философами, и атеистической пропагандой, и самими церковными мыслителями. Смыслообразующим центром данной системы выступает вопрос о том, как всеблагое и всеведущее верховное существо ничего не предприняло для ограждения Адама и Евы от рокового для человечества поступка. Несмотря на внешнюю простоту вопроса, он до сих пор обнаруживает скрытые потенциалы для толкования. В нашем случае возможность нового взгляда определяется тезисом о том, что в религиозно-мифологических системах воздаяние, имея двойственный характер, выступало и как кара, и как награда и в этом качестве являлось одной из форм божественного управления всеми разумными

формами творения. Но при этом воздаяние представало не только атрибутом верховного существа, но и необходимым элементом *именно человеческого* существования в его отношениях с абсолютном, а затем и с обществом.

Двойственная сущность воздаяния проявлялась и в гносеологической области, потому что традицией в итоге были определены два возможных для человека пути постижения сути воздаяния: путь разумного объяснения и путь разумного сомнения. При этом в ходе становления идеи воздаяния в монотеистическом контексте произошло следующее: подлинно справедливое (суть – идущее от абсолюта) воздаяние сместило центр своего пребывания из мира посюстороннего в мир потусторонний, трансцендентный. Нередким было и гипостазирование воздаяния как такового. В последнем случае происходило осмысленное усиление вознаграждающей стороны акта воздаяния. Сторона репрессивная столь же осмысленно редуцировалась, и в результате становится возможным утверждение, что воздаяние, восстанавливающее справедливость, суть спасение, либо *идея* спасения, которая состоит в том, что «при ощущении богооставленности, при отчуждении и оторванности у человека остается единственно правильный путь – путь к Богу через упование на Него, Его благодать и всемилостивость» [5, с. 13]. Правда, Блаженный Августин утверждал, что благодать абсолюта вообще способна побудить его к отказу от *справедливого* возмездия: «Ты, Господи, уничтожил все злые дела мои, чтобы не воздавать по делам рук моих, потрудившихся над отпадением моим, и предупредил все добрые дела мои, чтобы воздать рукам Твоим, создавшим меня» [6, с. 199], – но это не меняло сути дела. Воздаяние, принявшее функции одного из бытийных центров посмертного существования, парадоксальным образом уравняло обычную и загробную жизнь.

Парадоксализмом отличалась не только христианская мысль. Так, в Коране утверждалось, что единственным мерилom справедливости воздаяния выступает абсолют. Причем из поля рассудочного осмысления исключались вопросы о том, каким образом в рамках идеи адекватного воздаяния возможно существование идеи благого воздаяния раскаявшемуся злодею. Кроме того, мусульманские и христианские теологи и философы постоянно обходили вопрос о том, насколько совместима идея фатальности прижизненных поступков для грядущего воздаяния с идеей благого воздаяния раскаявшемуся грешнику и насколько совместима идея справедливого воздаяния с идеей равного воздаяния грешнику и злым духам.

Впрочем, это закономерно, ведь обрести справедливое благое воздаяние можно только воспитанием в себе страха божиего. Доминирование бытийной составляющей также неслучайно: бытие разумного творения в соответствующих системах всегда выступает в необходимой связи со справедливым воздаянием, исходящим от сил, сотворивших мир (вспомним отдельные эпизоды «Гильгамеша», миф о Прометее или историю царевича Заххока из «Шахнамэ»).

Не менее интересным, на наш взгляд, представляется и косвенное доказательство, прослеживаемое в устойчивых архаических структурах, к числу которых относится волшебная сказка. Одним из ее базовых элементов является система действий, связанных с наложением некоего запрета и его нарушением. Последнее, как правило, влечет за собой беду, которая, как нам думается, имеет *необходимый* характер. Как указывал виднейший исследователь морфологии волшебной сказки В. Пропп: «Запрет “не покидать высока терема” неизменно нарушается. Никакие замки, никакие запоры, ни башни, ни подвалы – ничто не помогает. Немедленно после этого наступает беда» [7, с. 46]. Беда, в свою очередь, вызывает определенное противодействие, и герой отправляется в тридевятое царство, тридесятое государство, которое в волшебной сказке тождественно загробному миру [8, с. 47–51]. Однако для нашего случая важнее то, что наказание, суть воздаяние за нарушение запрета, исходит не от «родных и близких» и не от человеческого сообщества. Воздающим субъектом здесь неизменно выступает некая неведомая сила, воплощаемая архаическим сознанием как в зооморфных, так и антропоморфных формах. Но при этом никакого отождествления субъекта воздаяния с человеком как таковым нет. Учитывая же то обстоятельство, что волшебная сказка есть развернутое воспроизведение системы инициационных воззрений, мы можем уверенно говорить, что *первичный* архетип воздаяния возник одновременно с формированием мифологического мировоззрения, почему и сохранил в себе достаточно архаических атрибутов. Последнее дает основание утверждать, что проблема воздаяния, направленного на восстановление справедливости, онтологически связана с проблемой необходимости и всем кругом сопутствующих вопросов.

Экстраполируя полученные данные в сегодняшнюю правовую реальность, обнаруживаем сущностное родство исторических структур со структурами современного гражданско-правового поля. Так, первая статья ГК РФ представляет нам иерархию оснований гражданского законодательства, предполагающую 1) «признание равенства участников регулируемых... отношений», 2) абсолютную неприкосновенность собственности, а также 3) «свободу договора» [9]. Иными словами, речь идет не о равенстве индивидуумов как таковых и не о свободе вообще, а значит,

утверждаемый в статье приоритет конкретно-материального над абстрактно-идеальным вряд ли требует доказательств.

Идущие далее «недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела», «необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав» и «обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты» логически дополняют и развивают идею равенства, органически связанного с неприкосновенностью собственности и свободой договора, без которой данное право утрачивает смысл, как утрачивают смысл регулируемые отношения, воплощающие в себе *ограничительную сторону* свободы, являющей собой, согласно традиции, заложенной Спинозой, познанный необходимость.

Последнее обстоятельство, с одной стороны, подтверждает справедливость тезиса И.А. Покровского, согласно которому «чем больше углубляется исследование юридических проблем, тем яснее обнаруживается, что сплошь и рядом в основе вызываемых ими споров и разногласий лежит не что иное, как именно глубокое расхождение в философской подпочве этих проблем, в самых этических предпосылках для их разрешения» [10]. В то же время данные, свидетельствующие об отсутствии полноценной моральной составляющей в исходных структурах, дают нам право предположить, что «видимые течения в юриспруденции», которые, по мнению И.А. Покровского, есть «лишь продолжение других, невидимых течений, скрывающихся глубоко в наших этических убеждениях или предрасположениях» [11], имеют бытийно-архетипическую природу, что ставит под сомнение возможность подлинно гармоничных отношений субъекта с правовой реальностью социума.

Ссылки:

1. Паскаль Б. Мысли о религии // Паскаль Б. Мысли о религии. Минск ; М., 2001. С. 7–189.
2. Максим Исповедник. Творения. Кн. II. Вопросы-ответы к Фалассию. Ч. 1. Вопросы I–LV. М., 1994.
3. Там же. С. 40.
4. Там же. С. 40–41.
5. Воротий Н.В. Социальный смысл теодицеи в русской религиозной философии конца XIX – начала XX века : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2005.
6. Августин А. Исповедь // Августин А. Исповедь. Абельяр П. История моих бедствий. М., 1992. С. 7–222.
7. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
8. Там же. С. 47–51.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.01.2016 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права [Электронный ресурс]. Изд. 3-е, стер. М., 2001. URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/23/page_9.html#7 (дата обращения: 11.03.2016).
11. Там же.

References:

1. Pascal, B 2001, 'Thoughts on Religion', *Thoughts on religion*, Minsk, Moscow, p. 7-189.
2. Maximus the Confessor 1994, *Creation. Bk. II. Questions-Answers to Thalassius. Part 1. Questions I-LV*, Moscow.
3. Maximus the Confessor 1994, *Creation. Bk. II. Questions-Answers to Thalassius. Part 1. Questions I-LV*, Moscow.
4. Maximus the Confessor 1994, *Creation. Bk. II. Questions-Answers to Thalassius. Part 1. Questions I-LV*, Moscow.
5. Vorotiy, NV 2005, *The social meaning of theodicy in Russian religious philosophy of the late XIX - early XX century*, PhD thesis abstract, Chita.
6. Augustine, A 1992, 'Confession', *Augustine A. Confessions. Abelard SP. History of my distress*, Moscow, p. 7-222.
7. Propp, VY 1986, *The historical roots of the fairy tale*, Leningrad.
8. Propp, VY 1986, *The historical roots of the fairy tale*, Leningrad.
9. *The Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994, № 51-FZ (ed. from 31.01.2016) 2016*, Access from legal system "Consultant".
10. Pokrovsky, IA 2001, *Basic problems of civil law*, 3rd ed., Moscow, retrieved 11 March 2016, <http://civil.consultant.ru/elib/books/23/page_9.html#7>.
11. Pokrovsky, IA 2001, *Basic problems of civil law*, 3rd ed., Moscow, retrieved 11 March 2016, <http://civil.consultant.ru/elib/books/23/page_9.html#7>.